

П.А. ОРЕХОВСКИЙ, Е.А. КАПОГУЗОВ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ: ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В РОССИИ

В России все чаще случаются эксцессы в школах, ответственность за которые возлагают на муниципалитеты. Бизнес предъявляет претензии к уровню подготовки выпускников вузов, что является проблемой координации деятельности руководства субъектов Федерации с классическими и техническими университетами. По мнению авторов, это следствие функционирования неформальных институтов, сложившиеся в постсоветской России в сфере образования и науки. Демонстрируется, что под одними и теми же названиями – школа, университет – действуют различные социально неоднородные организации. Различия обуславливаются разными неформальными институтами, складывающимися в этих организациях. Такие институты идентифицируют инсайдеры – работники и потребители услуг (родители учеников и студентов, сами студенты), различающие типы школ и университетов. Но их знание остается неявным и не включается в общественное обсуждение. С точки зрения чиновников, отвечающих за функционирование средней и высшей школ, некоторых типов организаций, выделенных в работе, не существует. Оценка научной деятельности стала производиться на основе библиометрических показателей. Но в этой сфере действует международный легальный картель, позволяющий максимизировать доходы крупных издательских домов. На оплату услуг последних российские ученые потратили в 2020 г. около 10 млн долл. Сложившаяся система отвечает запросам представителей элитарных вузов и школ, что является обычным для периферийного капитализма. В то же время муниципалитеты и субъекты Федерации весьма заинтересованы в изменении ситуации – минимизации сферы «негативных» неформальных институтов в школах, развитии передовых научно-образовательных центров в регионах.

Ключевые слова: политико-экономические дискурсы, легальный картель, централизация и децентрализация, государственная служба, типы школ, типы университетов, рынок научных публикаций.

JEL: I20, I28, Z13

Введение

Образование и наука — сферы человеческой деятельности, которые вплоть до последней трети XX в. не обсуждались в категориях экономики. Предполагалось, что научная деятельность была направлена на познание Бога и/или истины. Результаты такой деятельности нельзя было сводить к доходам и издержкам. Еще в первой половине XX в. сциентистская убежденность в том, что с помощью науки можно решить все проблемы человеческого общества, включая и *собственно экономические проблемы*, не позволяла рассматривать науку как отрасль, затратами которой является зарплата, материалы и эксплуатационные расходы оборудования, а продукцией — тексты с рисунками и формулами и юридические документы, фиксирующие права собственности на открытия и изобретения.

Образование — непосредственно связанная с наукой деятельность по сохранению и трансляции знаний. Образование обеспечивает воспроизводство научного сообщества. Без реализации этой функции наука быстро перестанет существовать. Но, кроме этой прямой связи с учеными, образовательная деятельность направлена на решение большого количества других задач, включая воспитание и социализацию молодых людей, функционирование фильтров для рекрутирования элиты. В этом отношении образование является частью намного более старых, чем наука, социальных институтов. Образование — это часть *культуры*.

Большая часть культуры — от архитектурных ансамблей до гастрономии и народного фольклора — является *локальной*, децентрализованной. Таким было и образование: вплоть до победы большевиков в России главную роль играли церковно-приходские и земские школы. Наряду с этим функционировали элитные для того времени гимназии и реальные училища, финансируемые из бюджета Министерства народного просвещения Российской империи; они играли существенную, но не главную роль в деле народного просвещения.

В отличие от школ научные учреждения, в рамках которых по большей части велись научные исследования, почти всегда находились в столицах (добавим, что и в качестве меценатов чаще всего выступали либо царские особы, либо богатые вельможи). Это различие является существенным, мы вернемся к нему в третьей части нашей работы.

Приведенные выше три абзаца представляют собой не что иное, как *дирижистский дискурс*, в рамках которого мы начали обсуждать науку и образование. Центральными концептами этого дискурса являются концепты службы, будь то Богу или истине, государю или народу; власти авторитета; опыта и заслуг. Связанными с этими концептами являются и экономические категории жалованья, сметы (бюджета). Можно говорить о дирижистской модели науки и образования: в этом случае она отождествляется с гражданской службой,

в основных своих чертах (но, конечно, не в содержании) совпадая со службой военной.

Критика сложившихся образовательных практик не с позиций их целей и содержания, но именно в экономическом дискурсе, предполагающем анализ затрат и результатов, начинается в 1960-е – 1970-е гг. Как писали в своей знаменитой работе (переведенной на русский язык) М. и Р. Фридманы: «В 1920 г. 83% ассигнования на государственные школы осуществлялись из местных фондов, федеральные субсидии составляли менее 1%. В 1940 г. доля местных фондов сократилась до 68%. В настоящее время [1970-е гг.] она составляет меньше половины. Правительства штатов обеспечивали большую часть остального финансирования: 16% – в 1920 г., 30% – в 1940-м, а в настоящее время – более 40%. Доля федерального правительства все еще невелика, но быстро увеличивается: от менее 2% в 1940-м г. до почти 8% в настоящее время.

По мере того, как профессиональные работники образования получали все большую власть, контроль со стороны родителей ослабевал. <...>

Является ли снижение производства на единицу затрат следствием увеличения бюрократизации и централизации организации? Что касается фактов, за период с 1970/1971 по 1977/1978 учебный год число школьных округов сократилось на 17%, что явилось продолжением долговременной тенденции к увеличению централизации. Что касается бюрократизации, в более раннем пятилетнем периоде, за который у нас имеются данные, с 1968/1969 по 1973/1974 г. число учащихся возросло на 1%, а общая численность педагогического состава – на 15%, и при этом число учителей выросло на 14%, а *руководителей* на 44%. <...>

Дело не в отличии образования от других видов деятельности, а в разнице между системой, в которой потребитель имеет свободу выбора, и системой, в которой производитель находится на коне, а потребитель не имеет права голоса»¹ [1, с. 179–180].

Примерно о том же, но с продлением тренда в 1980-е – 1990-е гг. пишет известный либертарианец Д. Боуз. На приводимом в его работе графике изображены две кривые. Первая – с положительным наклоном – показывает расходы на образование на одного ученика, вторая – с отрицательным – результаты тестирования (*SAT*). В 1973 г., когда расходы достигают примерно 4 200 долл. на ученика, а результаты тестирования снижаются с 980 (1962 г.) до 930 баллов, эти

¹ Существенной чертой американского народного образования был очень высокий уровень децентрализации. Состояние школ и жалование учителей напрямую зависело от объемов собираемого на местах налога на имущество физических лиц. В свою очередь основной единицей самоуправления в этой сфере является школьный округ. Последний – одна из немногих оставшихся внутри США юрисдикций, где можно напрямую проследить связь уровня собираемых на местах финансовых средств с уровнем затрат на соответствующие цели. Но и здесь постепенно увеличивается роль бюджетов штатов и центрального правительства.

кривые пересекаются. Впоследствии расходы продолжают плавно расти до 6 500 долл. в 1994 г., но результаты тестирования не улучшаются, а к 1994 г. снижаются до 900 баллов [2, с. 285].

Огромное влияние на способ обсуждения проблем образования и науки оказали работы нобелевского лауреата по экономике Г. Беккера. Повидимому, именно после его работ выражение «человеческий капитал» стало общеупотребительным, а подход и к детям, и к их образованию как к «долгосрочным инвестициям» стал широко использоваться журналистами и политиками [3].

Приведенные выше пассажи М. и Р. Фридманов, упомянутый график Д. Боуза и плодотворная метафора Г. Беккера являются примерами *либертарианского дискурса*. Здесь центральными концептами являются следующие: свобода выбора, будь то потребителя или производителя; обмен и цена (ценность) товаров и услуг, неразрывно связанные с этим концепты дохода (включая цену труда — зарплату) и издержек; конкуренция. Можно говорить о либертарианской модели науки и образования. Аналогами обычного рынка здесь будут рынки: а) образовательных услуг; б) интеллектуальной собственности. Закономерности функционирования (но, конечно, не потребительная ценность) в основном будут схожи.

Либертарианский способ обсуждения проблем науки и образования, сформировавшийся сравнительно недавно и воспринимаемый как экономический империализм в науках об обществе, многими критиковался. Приведем, например, мнение известного французского социолога и антрополога П. Бурдьё: «...Гэри Беккер, который недавно получил, как это ни удивительно, Нобелевскую премию по экономике, давно уже старается объяснить этой моделью такие виды поведения, как брак; не ведая страха и ровным счетом ничего не зная о работах антропологов, теоретиков родства и т.д., он предложил теорию брака, выписанную в категориях издержек и потерь. Он первым заявил о намерении применить этот образ экономической мысли, основанный на только что указанной мной антропологической теории, ко всем видам человеческого поведения. В моделях такого рода экономика представляется как общая наука человеческих практик, и она ставит проблему перед всеми остальными науками, поскольку захватывает разные территории...» [4, с. 15].

В свою очередь дирижизм и либертарианство в целом представляют собой не что иное, как способ идеологического позиционирования ученого в поле экономической науки. Периодически между приверженцами различного видения экономических процессов возникали (и возникают) острые дискуссии, которые во многом предопределяют содержание текущей политики. Предлагаемые дирижистами и либертарианцами модели являются своего рода чистыми, идеальными типами формальных институтов по М. Веберу [5]. Однако в любом государстве, в любой исторический период экономика является смесью различных институтов. При этом оценка того, какие из институтов доминируют, —

весьма дискусионна, даже для таких внешне однозначных политических режимов, как США и СССР.

Напротив, оценить уровень централизации и/или децентрализации сравнительно легко. Так, если в общем объеме доходов, которые получают организации образования, более 50% составляют средства федерального бюджета, это централизованная система, если меньше, можно определить ее как децентрализованную. Отметим, что переход к обсуждению финансовых институтов и объемов средств, которые через них проходят, сразу же уводит нас от идеальных типов к реальным, которые и являются основным предметом исследования в данной работе.

Казалось бы, централизованные практики финансирования, управления, набора кадров, контроля качества должны однозначно ложиться в дирижистский дискурс, в то время как децентрализованная система исследований и предоставления образовательных услуг — в либертарианский идеал. Если бы это было так, никакого дополнительного институционального анализа бы не требовалось. По нашему мнению, система образования и науки, сложившаяся в России к настоящему времени, является высоко централизованной, но сочетается с целым рядом либеральных, рыночных институтов. Описывать последние можно только с помощью соответствующих экономических концептов — нечестная конкуренция, легальный картель и т.д. Политико-экономический анализ этих сложных, неоднородных централизованных и децентрализованных институтов, включая неформальные, а заодно — риторики, с помощью которой они легитимируются в общественном сознании, определяет содержание нашей работы.

Тем не менее мы постарались удержаться от нормативных выводов, включая стандартные в таких случаях рекомендации по совершенствованию и/или реформированию российской системы науки и образования. Мы придерживаемся дескриптивного подхода: идеальные типы, дирижизм и либертарианство, представляют собой границы того поля, в рамках которого сообщество ученых, педагогов и преподавателей признает реальным то, как функционирует указанная система, а заодно формирует свои представления о должном.

Советская модель науки и образования: краткий очерк

Советская система науки и образования характеризуется *полным огосударствлением* и вертикалью. Учителя, профессора, научные сотрудники имели здесь, по сути, статус государственных служащих. В учебных планах и образовательных программах предусматривались различные виды учебной и научной работы, нормировались как аудиторные, так и внеаудиторные нагрузки. Последние были связаны с проверкой домашних заданий учеников, выполненных студентами лабораторных работ и т.д. Такая стандартизованная система в условиях строящегося

индустриального общества обеспечивала неплохое качество образования и заслужила уважительные оценки даже у идеологических противников СССР².

Тем не менее основы советской системы образования *закладывались еще в царской России*. Так, в империи с конца XIX в. резко увеличились расходы на образование. С начала XX в. до 1917 г. общее количество школ в России увеличилось примерно в 17,5 раз, а число учащихся в них – в 2,5 раза, достигнув к 1915 г. более 9,5 млн чел. [6, с. 112]. При этом основной рост достигался за счет создания все новых земских школ, финансирувавшихся из местных бюджетов, Министерство народного просвещения Российской империи контролировало программы и помогло с учебниками³.

Это же касается и числа студентов: если в 1895 г. в России на 100 тыс. чел. населения приходилось 16 студентов, а в Германии примерно в 3 раза больше, то уже к 1908 г. данный показатель вырос в России до 66, а в Германии до 114 [8].

После гражданской войны имел место разгром старой буржуазной интеллигенции. Наиболее известными иллюстрациями этого разгрома остаются знаменитые «философские пароходы». Однако, кроме идеологического понуждения к эмиграции, существенную роль играла и классовая политика, применявшаяся к ученым и специалистам. Так, «...профессор МВТУ, единственный в России специалист по легким двигателям, получал в 5 раз меньше, чем шофер ВСНХ, который его возил. Еще сохранялись пережитки “военного коммунизма” с харак-

² «Многим из нас до сих пор трудно поверить, что у русских есть университет лучше, чем у нас. Мы полагали, что наше превосходное богатство даст нашим детям лучшее образование. Но нам не удалось выделить на эти цели более ничтожной доли – самое большее 3% – нашего национального дохода, в отличие от советских 10%. <...> Мы ошиблись насчет их предполагаемого невежества. И мы совершенно не поняли решающей важности интеллектуальных достижений в гонке за безопасность и выживание... Наше отставание в образовательных достижениях дорого обходится и с точки зрения научного оружия...». (Выступление сенатора Джона Ф. Кеннеди на ежегодном банкете выпускников колледжа Лойола, Балтимор, Мэриленд, 18 февраля 1958 г. (фрагменты). URL: https://dzen.ru/a/ZE0bJ7_hlyYE7elv?experiment=942751).

Схожая позиция была представлена в 1959 г. доктором С.Р.С. (Congressional Research Service – Исследовательская Служба Конгресса США) Мэндэрсом, который подготовил для комитета по вопросам науки НАТО доклад на тему «Научно-техническое образование и кадровые резервы в СССР». (Советская система образования: достоинства и недостатки образования в СССР. URL: <https://inance.ru/2018/09/obrazovanie-v-sssr/>).

³ Любопытно, что в отношении финансирования школ децентрализованные нормы сохранялись все это время. Так, бюджетные затраты на начальное и среднее (общее) образование в СССР осуществлялись из местных бюджетов. В постсоветской России образование стало «совместным мандатом»: ремонт и содержание зданий, закупка оборудования остается за муниципалитетами, в то время как зарплата учителей осуществляется из федерального бюджета и бюджетов регионов. Какое-то время в СССР допускалась определенная автономия и в педагогике, и в распоряжении финансовыми средствами образовательных учреждений [7]. Однако в послевоенной советской системе образования даже эксперименты осуществлялись исключительно сверху, централизованно. Конечно, рядом с этой жестко регламентированной централизованной системой полулегально работали репетиторы, но объем предоставлявшихся платных уроков крайне трудно оценить; во всяком случае, он был относительно незначительным.

терной для него недооценкой интеллектуального труда. Тогда ученые получали в 6 раз меньше грузчиков, в 4 раза меньше низшего и среднего канцелярского персонала» [9, с. 72]. «Царские» профессора, решившие остаться в России, были вынуждены работать в нескольких местах, чтобы как-то обеспечить себя.

В годы первой пятилетки большевики стали широко использовать политику выдвиженчества. В период с 1928 по 1931 г. партия мобилизовала около 10 тыс. чел. в инженерные и другие вузы, и еще 8 тыс. чел. — в военные. Одновременно в 1920-х гг. проводилась демократизация приема в вузы, сопровождавшаяся отменой вступительных экзаменов. Следствием такой демократизации стали последующие массовые отчисления. Например, в 1925 г. доля окончивших составила лишь 10% от поступивших [10, с. 67]. Так появились рабфаки, где шла подготовка к обучению в вузе. В 1933 г. число учащихся рабфаков составляло 352 700 чел. Вводились и квоты для поступающих, а также осуществлялись чистки среди студентов на основе их происхождения. Большевики добивались роста удельного веса рабочих и крестьян в вузах.

В 1930 г. выходит знаменитое «Положение о штатно-окладной системе оплаты преподавательского персонала высших учебных заведений Союза ССР», которое было утверждено постановлением СНК СССР. В соответствии с этим вводились штатные должности (с 1937 г.) — профессор — заведующий кафедрой, профессор кафедры, доцент, старший преподаватель, преподаватель — ассистент. В это время преподаватели и ученые вновь занимают потерянное ранее привилегированное положение в структуре советского общества. Однако к 1970 г. ситуация опять сильно меняется (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Соотношение между стипендией аспиранта и среднемесячной оплатой труда по экономике, %

1931	1937	1950	1965	1971	1989	1996	2003	2016
219	192	101	63	61	50	29	18	8

Источник: [10, с. 516].

Среднее и высшее образование в СССР было бесплатным, за исключением периода 1940–1956 гг. Платность в этом периоде была фрагментированной (исключения по оплате делались для отдельных категорий в военное время, а также для отдельных республик) и вызывала протесты. На конституционном уровне право на бесплатное образование от начального до высшего было закреплено только в статье 45 Конституции 1977 г.

Общим результатом всей этой государственной политики стал стремительный рост образования в СССР. Так, после 1945 г. численность граждан с образованием выше среднего удваивалась примерно

каждые 10 лет, и к середине 1970-х гг. она превысила 22 млн чел. Если в 1913 г. доля лиц, принадлежащих к данной категории, исчислялась десятками долями процента, а в 1930-е гг. не превышала 1,5%, то в 1975 г. высшее или среднее специальное образование имел почти каждый десятый гражданин СССР. Среди экономически активного населения доля лиц с образованием не ниже среднего составляла примерно 77%.

Таким образом, когда Дж.Ф. Кеннеди хвалил советскую систему образования и науки, это было время, когда советская дирижистская система обеспечивала высокую горизонтальную и вертикальную социальную мобильность, сочетающуюся с высокой степенью эгалитарности. Последняя обеспечивалась жестким государственным контролем, включавшим в себя как регулирование зарплаты и нагрузки, так и предметное содержание всех изучавшихся в школах и вузах дисциплин.

При этом между эгалитарностью и качеством в среднем образовании существует объективное противоречие. Такая система будет либо притормаживать лучших (которые, впрочем, впоследствии смогут проявить себя в высшей школе), либо портить общее качество, либо то и другое одновременно. Подобно другим таким же практикам, возникшим во время индустриализации (система Семашко в здравоохранении, рационализация и научная организация труда в промышленности), советская школа показывала хорошие результаты в условиях дефицита образования, который в основном уже был преодолен к периоду, отождествляемому с научно-технической революцией. Так, уже в 1960-е гг. получают распространение физико-математические школы (в т.ч. школы-интернаты), школы с углубленным изучением иностранных языков, развивается олимпиадное движение (победители, как и медалисты, зачисляются в вузы без вступительных экзаменов). Меняется (по сути, просто деградирует на общем фоне) система оплаты учительского труда. Сюжет популярного рассказа В. Распутина «Уроки французского» (впоследствии экранизированного в СССР) постепенно становился все более фантастическим. Даже в обычных школах к концу 1970-х гг. *складывается практика скрытой сегрегации*, когда наиболее способные дети попадают в «А» и «Б» классы, а класс «Г» становится своего рода «отстойником».

Постоянное расширение высшего образования привело к диспропорции между местами в вузах и желающими получить соответствующий диплом. В результате упал конкурс среди абитуриентов (стоит отметить, что последнее происходило еще и на фоне демографической ямы, связанной с эхом войны). В 1985 г. по всем группам вузов в среднем конкурс был почти в 1,5 раза меньше, чем в 1966 г. [11, с. 64]. Удельный вес абитуриентов, получивших положительные оценки, по отношению к плану приема все время падал. В 1960-е гг. он держался на уровне 200%, а в 1985 г. составлял только 112%, т.е. почти все (за исключением 12%) абитуриенты, получившие положительные оценки, были зачислены в вузы. Естественно, падал и проходной балл во все группы вузов [12, с. 146].

Перепроизводство специалистов вызвало снижение ожидаемого денежного вознаграждения для обладателей дипломов. Следствием стал добровольный переход из инженеров в рабочие, что предоставляло выигрыш в зарботке. В 1960-х гг. это было исключением, но в 1970-х гг. такая практика стала массовой. За полтора десятилетия (1970–1987 гг.) количество инженеров-рабочих в СССР возросло с 2,4 до 211 тыс., т.е. почти в 100 (!) раз [12, с. 147].

Похожие процессы имели место и в сфере советской науки. Численность научных работников быстро росла (см. рис. 1, 2)⁴.

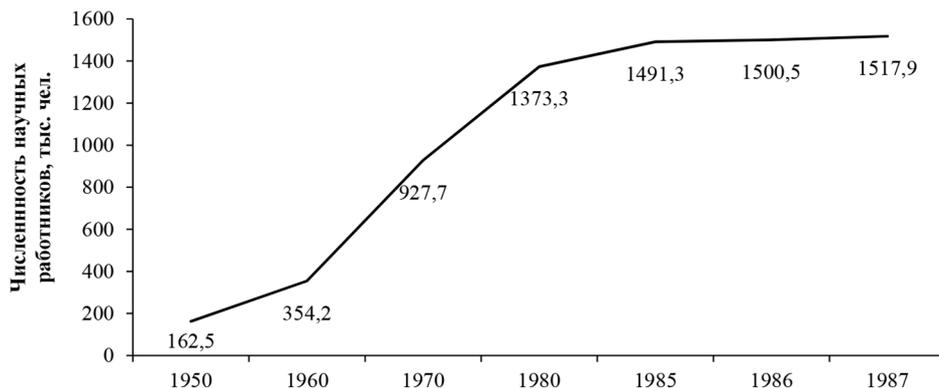

Рис. 1. Численность научных работников в СССР

Источник: составлено авторами по данным ЦСУ СССР.

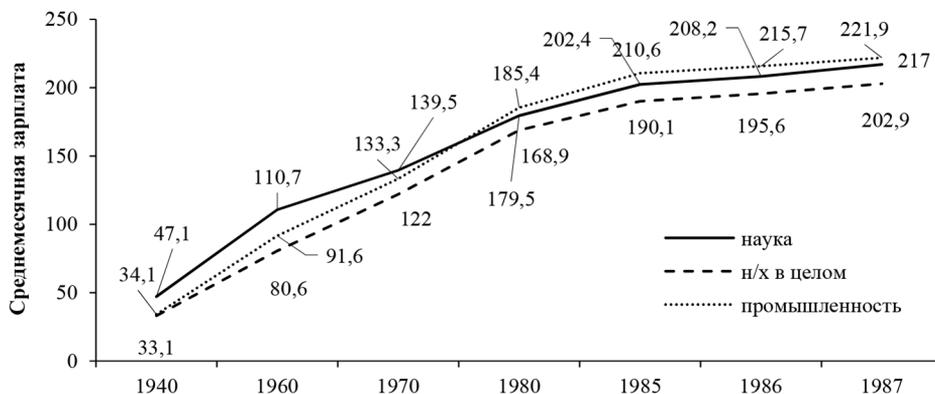

Рис. 2. Среднемесячная зарплата в СССР в науке, промышленности и в среднем по народному хозяйству

Источник: составлено авторами по данным ЦСУ СССР.

То же самое можно сказать о профессорско-преподавательском составе (ППС) вузов. В 1946 г. произошло существенное повышение зарплат преподавателей: соотношение зарплат профессора и доцен-

⁴ К 1986 г. удельный вес советских ученых превысил 20% всех научных сотрудников мира.

та к зарплате квалифицированного рабочего составило 7 к 1 и 4 к 1 соответственно. Численность ППС с начала 1950-х до конца 1970-х гг. выросла более чем вчетверо, с 84,4 тыс. чел. до 390,1 тыс. чел. Однако зарплата преподавателей в этот период практически не увеличивалась, она не пересматривалась много лет. Аналогичное положение сложилось с оплатой труда ученых, ставки которых (научный сотрудник со степенью – доцент, старший научный сотрудник (доктор) – профессор) тесно коррелировала с оплатой в вузах.

Диспропорцию в подготовке кадров в 1980-х гг. попытались исправить, сократив прием в девятые классы общеобразовательных школ. После восьми лет обучения предполагалось, что подростки пойдут в ПТУ и техникумы. Эти ограничения были восприняты советским обществом как посягательство на права граждан. От учебы в ПТУ всячески старались уклониться, в т.ч. и асоциальными методами: возросло количество неработающей и неучащейся молодежи. В результате к концу 1980-х гг. эти ограничительные меры были постепенно отменены.

Как это не парадоксально, либертарианская критика системы образования в США выглядит полностью справедливой и в отношении системы науки и образования позднего СССР. НИИ и вузы стали все больше работать на себя. Содержание вузов и НИИ требовало все больше средств. Одновременно обладатели дипломов либо трудились на рабочих местах, не требовавших высшего образования, либо работали не по специальности.

Такой же разрыв наблюдался и между результативностью научных исследований и производительностью советской экономики. Похоже, чем больше в СССР было научных сотрудников, тем меньше были востребованы результаты их профессиональной деятельности. Здесь следует отметить важную специфику риторики, используемой в защиту советской науки, которая появилась еще в СССР, но используется и в настоящее время. Банальностью стал тезис, что наука совершала гениальные открытия, но все это было не востребовано производством – директора социалистических заводов и фабрик, председатели колхозов и прочие руководители *не были заинтересованы во внедрении результатов этих открытий*. Но в рамках такой аргументации неявно наука превращается именно *в специфическую экономическую деятельность*, которая терпит финансовый крах из-за неспособности продать свой товар. Это – либертарианский дискурс, который широко стал использоваться за два десятилетия до распада СССР, и это – симптом кризиса жестких централизованных советских институтов.

Ученый, работавший в XX в., мог бы сказать, что истина не может быть продана или внедрена, она либо есть, либо нет. Невозможность внедрения результатов того или иного открытия можно интерпретировать либо как ошибку (и тогда внедрение автоматически потерпит неудачу), либо как непонимание (игнорирование) устройства общества, в котором он работает. Тогда в лучшем случае для автора открытия закончится академическая карьера, а в худшем – его открытие объявят опасной ересью с соответствующими последствиями. Именно такие исходы

имели место в свое время в СССР в генетике, экономической теории, философии, языкознании, кибернетике, ряде инженерных дисциплин.

Однако в позднем Советском Союзе практически не было ничего подобного, наука и практика существовали в параллельных реальностях, иногда пересекаясь и дискутируя вокруг парадоксального концепта внедрения. Общий крах социалистического проекта, про который власти говорили, что впервые в истории человечества *новое государство строится на научной основе*, в такой ситуации представляется вполне закономерным.

Дальнейшая эволюция постсоветской системы науки и образования породила множество принципиально различных типов образовательных и научных учреждений. Прибегая к аналогии, можно сказать, что советский рубль являлся «разноцветными деньгами» — фактически под одним и тем же названием в советской экономике ходило несколько валют с разной покупательной способностью и разными каналами обращения (об этом писали многие советские социологи и экономисты⁵). Напротив, за обозначениями «школа», «университет» и «НИИ» стояли относительно однородные социально-экономические институты. В постсоветской России рубль стал обычной валютой, выполняющей стандартные функции денег, а вот за одним названием «школа» могут скрываться как образовательный центр «Сириус», так и «арестантско-уголовное единство» (АУЕ). Преимущественно об этом, о неформальных институтах образования и науки, пойдет речь ниже.

Неформальные институты в сфере среднего образования

В СССР, где система управления средним образованием была полностью централизована, широко применялись стандартизированные процедуры набора, формирования классов, обучения. В России уже в 1990-х гг. возникло множество форм учреждений среднего образования. В *таблице 2* представлены три типа таких школ со своими характерными чертами: отбор учеников, программы обучения, педагогические приемы и т.д. Формально все эти учреждения соответствуют требованиям Министерства просвещения России, что подтверждается наличием соответствующих документов, определяющих их организационно-правовой статус. Тем не менее свойства неформальных институтов, которые и обуславливают различия между школами, хорошо известны как родителям учеников, так и учителям⁶. И те, и другие делают свой выбор, основываясь на неявном знании, устраивая своего ребенка и/или приходя на работу в соответствующую школу.

⁵ В советское время предпочитали использовать выражение «разное товарное наполнение рубля», а не «разноцветные деньги».

⁶ Следует оговориться, что формальное единообразие учреждений обусловлено выполнением ими одной и той же явной социальной функции, в данном случае образовательной. Но как показал Р. Мертон, кроме явных функций, выполняемых теми или иными организациями, последние реализуют еще и множество неявных, латентных функций [13]. Различные типы школ, таким образом, соответствуют неявным ожиданиям родителей и учителей, своего рода неявному социальному контракту [14]. Описание указанных типов ранее приводилось в работе [15].

Типы школ с доминированием различных неформальных институтов

Регламент: социальная норма	Закрытая (специализированная) школа	Стандартная школа	Массовая школа
Отбор учеников	Специальный отбор учащихся (высокие средние баллы стандартной школы, входное тестирование и т.д.)	Набор по месту жительства, без дополнительных условий	Набор по месту жительства с дополнительной нагрузкой: дети мигрантов с плохим владением русским языком, трудные подростки (одно время – замедленное развитие)
Источники финансирования	Бюджет, родительская плата, пожертвования спонсоров	Бюджет, полулегальные поборы с родителей на «ремонт»	Бюджет
Положение и роль учителей	Индивидуальные контракты, надбавки за сложность; сравнительно высокая зарплата; авторитетные педагоги, контролируемые межличностные отношения в классе	Стандартные условия найма, низкий уровень оплаты, массовое репетиторство. Слабый контроль за учениками (за исключением кадетов и/или других спец. училищ)	Стандартные контракты, высокая текучесть; учитель-тьютор; отсутствие контроля
Способы и горизонт социализации	Ориентация на получение знаний в элитных вузах, длительная социализация	Освоение ФГОС, сдача ЕГЭ, ориентация на местные вузы и социальные связи родителей	Краткосрочная адаптация к школе и «району»; АУЕ и полукриминальные формы лидерства; ранние браки
Формы образовательных учреждений	Школа-интернат (пансион). ФМШ, ФТШ, элитные образовательные центры, гимназии, лицеи	МБОУ с возможной специализацией старших классов, часто спортсекции. Кадетские училища	МБОУ, образовательные учреждения при исправительных колониях для несовершеннолетних

Источник: разработано авторами на основе [15, с. 22–24].

В отношении типологии, приведенной в *таблице 2*, следует сделать несколько принципиальных оговорок. Во-первых, все это в достаточной мере условно, т.к. даже в лицеях и гимназиях могут действовать обычные универсальные контракты и учителя получают низкую зарплату, что вынуждает их заниматься репетиторством. Во-вторых, и в стандартных школах могут работать достаточно сильные предметники, как, впрочем, и в массовых школах. В-третьих, удельный вес этих трех типов школ в системе образования меняется от города к городу, от региона к региону. Как мы полагаем, эта типология является актуальной и для большинства западных государств. Удельный вес различных типов школ также изменяется от страны к стране.

Принципиальны здесь *различия между закрытой и массовой школами*. Стандартная же школа является своего рода переходным типом, об-

ладающим гибридными чертами. Массовая школа обладает некоторыми чертами пенитенциарного учреждения, решающего задачи социализации подростков весьма специфическим способом. Существование такого рода школ в системе национального просвещения будет отрицаться любым официальным ответственным лицом в любом государстве. Напротив, если признать наличие таких учреждений в социальной реальности, то очевидно, что средний уровень качества образования, его эффективность будет определяться как раз *удельным весом массовых, а не закрытых школ*. Если удельный вес массовых школ становится достаточно большим (хотя, как мы полагаем, достаточно превышения уровня в 10% от общего количества учреждений среднего образования, но все это требует дополнительных специальных социологических исследований), то *общее качество* такой системы образования следует оценить как *низкое*. Несмотря на то, что школьники из закрытых школ будут привозить медали с очередных международных соревнований, обеспечивая нужную отчетность чиновникам, решающее влияние на настроение и культуру молодежи будут оказывать выпускники именно массовых школ. Легко прогнозировать, что в дальнейшем многие выпускники элитных вузов, куда пойдут учиться бывшие выпускники закрытых школ, продолжат свою научную карьеру за рубежом. Они постараются держаться подальше от той среды, где доминируют их харизматичные сверстники с принципиально иными знаниями и социализацией.

Проблема, которую в свое время диагностировали М. и Р. Фридманы, связана с тем, что качество образования не повышается вместе с простым увеличением финансирования соответствующего министерства. «Производители образовательных услуг» будут направлять средства на реализацию пафосных и дающих громкий пиар-эффект образовательных проектов, но отнюдь не на изменение неформальных институтов, сложившихся в массовых школах. В этом нет ничего удивительного и/или парадоксального. Как уже говорилось, *официально массовых школ не существует*, о них знают только родители и сами ученики, но их голос — голос потребителей слышат разве что общественники и деятели искусства⁷.

Предположим, однако, что возмущение общественности дошло до властей, и они решили что-то предпринять. Однако неформальные институты не возникают и не функционируют на пустом месте. Как уже говорилось, они дополняют официальные институты образования, которые в России являются централизованными.

Новая политическая экономия исходит из посылки, что малые социальные группы действуют рационально и преследуют свою выгоду. Работники органов управления образованием стимулируются за выда-

⁷ В 2023 г. стал обсуждаться сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте» Ж. Крыжовникова. В 2008 г. с несколько меньшим резонансом прошел фильм «Все умрут, а я останусь» В. Германики. Оба этих произведения демонстрируют неявное знание неформальных механизмов социализации в массовых школах России, но это никак не задевает постсоветскую систему образования. Напротив, фильм «Чучело» Р. Быкова 1983 г. вызвал скандал и широкую дискуссию об устройстве советской школы.

ющиеся достижения — победы на олимпиадах, средний и высокий балл ЕГЭ (при этом тесты через определенный период корректируются под средний национальный уровень). Родители, представляющие богатые и обеспеченные домохозяйства, предъявляются спрос на закрытые, элитные школы. Если перераспределить финансовые средства и сравнительно небольшой ресурс лучших педагогов в массовые школы, насколько результат будет отличен от нуля?

Этот простой тест позволяет понять, почему насилие, травля и расстрелы, которые теперь тоже стали случаться в российских школах, будут продолжать характеризоваться как трагическая случайность, недоработки тех или этих ответственных лиц. При этом будут приниматься простые меры. Так, после обращения генеральной прокуратуры Верховный суд запретил АУЕ еще в августе 2020 г. А раз запретил, значит, такого института в России нет⁸.

Отечественные либертарианцы и дирижисты предлагают свои рецепты оздоровления ситуации, используя соответствующие политико-экономические дискурсы. Остановимся на них подробнее.

Децентрализация. В рамках либертарианского дискурса дети рассматриваются как долгосрочные инвестиции, а родители — как рационально мыслящие экономические агенты. Для положительной отдачи таких человеческих инвестиций необходимы: а) качественный физический капитал, который производит система народного просвещения; б) отсутствие конфликта между разными поколениями, что достигается воспитанием (как в семье, так и в школе).

Родители, будучи налогоплательщиками, вовлечены в своеобразный финансовый контракт с государством, любой ребенок — гражданин своей страны автоматически имеет мандат (право) на образование. Это право можно формализовать, предоставив домохозяйству образовательные ваучеры. Те, кто хочет реализовать свое право на среднее образование частично и начать профессиональную карьеру, скажем, после восьми лет обучения в школе (а тем самым одновременно начинают платить налоги и сокращают затраты государства на свое образование) могут получить финансовую компенсацию и завершить образование в 18–20 лет. Напротив, тем, кто хочет после школы поступить в университет, выделяется образовательный кредит, который будет погашаться из налогов после завершения высшего образования. В рамках этой модели работники с высшим образованием будут обладать большим человеческим капиталом, чем работники со средним, а следовательно, получают на свой капитал и больший дивиденд.

Школам здесь предоставляется большая автономия, включающая вариативность учебных программ. Доход школ здесь напрямую зависит от количества (и качества) учащихся. Источники финансирования — смешанные: с одной стороны, это бюджетная субсидия в соответствии

⁸ Верховный суд запретил движение АУЕ в России. URL: <https://rg.ru/2020/08/17/verhovnyj-sud-zapretit-dvizhenie-aue-v-rossii.html> (дата обращения: 24.01.2023).

с образовательными ваучерами, с другой — это доходы от оказания дополнительных услуг сверх государственного стандарта. Качество образования контролируется через регулярное тестирование, заодно осуществляется и довольно жесткий контроль за поведением учеников (логичным дополнением этой модели является ювенальная юстиция). Таким образом, *состояние школ и доходы педагогов в большей степени зависят от муниципалитета и региона, нежели от поступлений из Центра.*

Естественно, что децентрализация не означает ликвидацию массовой школы. Но она легализует ее положение в качестве образовательных учреждений для детей-сирот, детей из социально неблагополучных семей и некоторых других категорий. Учителя в таких школах получают статус социальных работников — государственных служащих с твердым окладом. Тем самым на местах минимизируются возможности распространения неформальных институтов массовой школы (полностью искоренить их невозможно).

Современная российская школа восприняла из этих предложений только ОГЭ и ЕГЭ, хотя разговоры о ее полноценном внедрении идут не менее двух десятков лет⁹. Естественно, что само по себе тестирование почти не задевает неформальные институты, сложившиеся в школах. Последние, как мы полагаем, влияют на качество образования намного сильнее, чем итоговая форма контроля уровня знаний. Но если судить по высказываниям в российских медиа, именно ЕГЭ и является главным основанием либертарианства, а само определение «либеральный» используется как мягкая замена прилагательному «поганый». Следует напомнить, что тридцать лет назад российской общественностью (в т.ч. и научной), примерно в таком смысле использовались понятия «государственник», «государственный».

Централизация. Дирижисты эксплуатируют представление об образовательной деятельности как государственной службы, реализующей миссию ученого и педагога на ниве просвещения. Но такая деятельность *не может иметь экономической оценки на основе предельной производительности труда* (эффективности), она должна оплачиваться так же, как деятельность других государственных служащих. Нынешняя российская система образования, несмотря на высокую централизацию, практически никак не связана с образованием как системой службы: учителя входят в состав бюджетников, но никак не чиновников. Исходя из общей логики дирижизма, непонятно, почему зарплата учителей и врачей должна быть в разы ниже, чем жалование полицейских и военнослужащих, но дело не только в этом.

Так, больше десяти лет назад был принят Указ президента № 597 от 7 мая 2012 г. «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», предусматривавший «доведение в 2012 г. средней заработной платы педагогических работников образовательных учреж-

⁹ Реформаторы долго говорили о системе ГИФО и принципе «деньги следуют за учеником», но воз и ныне там.

дений общего образования до средней заработной платы в соответствующем регионе». Понятие «средняя» является классической лукавой цифрой, о чем свидетельствует содержание контракта с учителем высшей категории в престижной омской гимназии № 115, входящей во всероссийские рейтинги¹⁰.

С 1 сентября 2023 г. по 31 августа 2024 г. за выполнение трудовых обязанностей, предусмотренных трудовым договором, работнику устанавливается заработная плата в размере: а) ставка заработной платы за фактическое количество часов учебной нагрузки (15 часов в неделю) в размере 11 666,67 руб.; б) работнику производятся выплаты компенсационного характера (до 100% ставки заработной платы). Но 15 часов в неделю – это 83,3% ставки (полная нагрузка 18 часов в неделю). Полная ставка составляет, таким образом, 14 тыс. руб. Со 100%-ной премией это – 28 тыс. руб. (до налогообложения). Средняя зарплата в Омской области, по данным Омского управления Росстата, в 2023 г. составила 52,3 тыс. руб.¹¹ При этом официально в 2023 г. педагоги в районах Омской области в среднем получают 44 165 руб., в Омске – 39 457 руб.¹²

Такая ситуация *типична для России*. И это еще раз свидетельствует в пользу справедливости критической оценки такой системы образования М. и Р. Фридманами: *выигрыш от нее получают чиновники, но не учителя и ученики*.

Сторонник дирижизма должен был бы сказать, что переход образования к системе гражданской службы предполагает, с одной стороны, резкое увеличение жалования учителей, предоставление служебного жилья, дополнительное пенсионное обеспечение, а с другой – обязательства по горизонтальной мобильности, (переезды между различными типами населенных пунктов, регионами и т.д.). Это – запрет на совместительство, частное предпринимательство (репетиторство), требования по сокращению удельного веса отстающих. Такая система предусматривает судебное преследование родителей за оскорбление учениками педагогов, возможности исключения из школ и т.п. Правовая защита учителей не может быть ниже правовой защиты полицейских и военнослужащих.

Сдвиг системы образования в сторону институтов идеального дирижистского типа предусматривает радикальное изменение положения «учительских университетов». Студенты, поступающие в такие университеты, получают статус курсантов, заключают контракт о поступлении на госслужбу, обеспечиваются обмундированием, питанием (собственно, всем тем, что до сих пор отчасти сохраняется в горных и железнодорожных вузах, осуществляющих соответствующую подготовку).

¹⁰ Архив П.А. Ореховского. Фотокопия не приводится в тексте статьи в связи с невозможностью ее размещения в журнале в таком формате.

¹¹ В 2023 г. средняя зарплата омичей выросла на 15,2%. URL: <https://12-kanal.ru/news/192881/>

¹² Статистика и реальность. Как отличаются зарплаты в омских школах от цифр в отчетах. URL: <https://gorod55.ru/news/2023-12-15/statistika-i-realnost-kak-otlichayutsya-zarplaty-v-omskih-shkolah-ot-tsifr-v-otchetah-3128544>

Очевидно, что нынешняя российская система среднего образования также далека от дирижистского идеала, как и от либертарианского. Но здесь важно отметить два обстоятельства.

Во-первых, в централизованной системе поощряется постепенный сдвиг к закрытым школам, где доминируют соответствующие неформальные институты, ориентированные на привилегированность и элитарность. Во-вторых, хотя бы частичная реализация дирижистских принципов повлечет существенное увеличение затрат, причем со стороны государственного бюджета, почти не оставляя гражданам выбора¹³. В этом отношении либертарианская модель выглядит для государства дешевле, предполагая большое привлечение частных средств. Вспоминая цитату Кеннеди, отметим, что нынешняя Россия сейчас отстает по доле затрат на образование в ВВП от многих богатых стран, включая США. Например, в 2020 г. соответствующие показатели составляли: в России – 4,6% (0,6 – из внебюджетных источников), в США – 6,0 (1,9), в Великобритании – 6,6 (2,3), в Швеции – 7,3% (0,3%)¹⁴.

Подводя итог, констатируем, что состояние среднего образования в России вполне отвечает интересам привилегированных социальных групп. Часть из них оплачивает дорогое образование в частных школах, а другая пользуется государственными субсидиями, выделяющимися на развитие специализированных школ и образовательных центров. В таком случае есть ли у заинтересованного большинства свои «малые группы» [16], способные на финансирование и лоббирование дирижистского или либертарианского (в данном случае это непринципиально) проекта реформы образования? Возможно, мы ошибаемся, но пока в сложившейся социальной структуре российского общества такие группы отсутствуют.

Российские университеты на рынке образовательных услуг: нечестная конкуренция

Как уже отмечалось, в СССР бесплатное образование сочеталось с постоянным увеличением числа студентов и выпускаемых специалистов. После событий в СССР 1989–1992 гг., сопровождавшихся коллапсом налогово-бюджетной системы, для большинства вузов (как и других бюджетных учреждений) наступили трудные времена. Ликвидация части вузов была бы крайне болезненным решением, которое вызвало бы серьезные социальные конфликты. Поэтому власти пошли другим путем – они разрешили вузам предоставлять платное образование и набирать коммерческих студентов. Тем самым за счет набора на относительно дефицитные специальности юристов, менед-

¹³ Конечно, такая централизованная система не может охватывать все среднее образование. Как минимум, здесь будут оставаться частные школы, а также муниципальные музыкальные, художественные, спортивные школы.

¹⁴ Образование в цифрах: 2022: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, Л.Б. Кузьмичева, О.К. Озерова и др. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 132 с.

жеров, финансистов, маркетологов предполагалось сохранить ставшие во многом избыточными направления подготовки инженеров, а также исследователей в области точных и естественных наук¹⁵. Однако это, казавшееся временным, решение *привело к изменению всей политики в сфере высшего образования*¹⁶.

Во введении мы уже говорили о различии между дирижистским дискурсом, делавшим акцент на поиске истины, и либертарианским, связывающим такие поиски с неперменным финансовым успехом. Советская научная, художественная и техническая интеллигенция была основной социальной силой, на которую опирались как советские, так и постсоветские реформаторы. Сокровенным убеждением этой наиболее влиятельной социальной группы была вера в то, что при социализме, в условиях административной системы интеллектуальный труд оплачивается крайне низко, и *переход к рыночной экономике позволит им резко улучшить и свое материальное положение*, а в новой социальной структуре интеллигенция станет элитой, избавившись от унижительного определения прослойки.

Когда высокая культура университета как учреждения, где сохраняют и транслируют знания, была заменена на *экономическое описание университета как фирмы, удовлетворяющей спрос на образование*, часть профессорско-преподавательского состава возмутилась. Это слегка изменило риторику. Хотя в публичных дискуссиях стал реже использоваться термин «образовательная услуга», это практически не повлияло на институты, сложившиеся в высшем образовании к тому времени. В постсоветской России быстро возникло множество новых вузов. При этом часть из них была не только весьма финансово успешной, но и могла составить конкуренцию в сфере НИОКР (наиболее яркие примеры – Высшая школа экономики и Российская академия народного хозяйства и государственной службы в Москве и Европейский университет в Санкт-Петербурге).

Спонтанная эволюция высшей школы в России привела к появлению трех типов учреждений. Все они называются университетами,

¹⁵ После того, как преподаватели и ученые, считавшие себя элитой будущего постиндустриального общества и выступавшие за рыночные реформы, столкнулись с реальной рыночной оценкой своего труда, у них возник когнитивный диссонанс. Например, «с началом рыночных реформ, для осуществления которых был выбран метод “шоковой терапии”, образование, как и наука, оказались в роли “социальных хлебников”. Фактически против них была развернута настоящая финансовая война» [6, с. 118]. Очевидно, если бы КПСС в свое время попыталась привести количество вузов и НИИ в соответствие с потребностями советской экономики, прогрессивные отечественные историки и социологи заговорили бы о гражданской войне, которую опять развернули против своего народа проклятые большевики.

¹⁶ Следует оговориться, что идея коммерческого высшего образования возникла в постсоветской России не на пустом месте. Во-первых, в СССР на платной основе училась часть зарубежных студентов и аспирантов. Во-вторых, как в речах руководителей вузов, так и в СМИ в 1980-е гг. будировался тезис о необходимости таких специалистов, на которых предъявляется спрос. Все это отвечало интересам влиятельной социальной группы советского научно-образовательного истеблишмента, рассчитывавшего на получение дополнительных ресурсов.

имеют лицензии, аккредитованы при Министерстве науки, высшей школы и технической политики, выдают выпускникам дипломы государственного образца. Но в этих учреждениях действуют разные неформальные институты (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Типы университетов с доминированием различных неформальных институтов

Регламент: социальная норма	Университеты (селективные вузы)	Высшие школы	«Фабрики по производству и продаже дипломов»
<i>Отбор студентов</i>	Отбор на основе результатов олимпиад и ЕГЭ. Большинство – бюджетные студенты. Для платников – гибкие системы оплаты, возможен перевод на бюджет	Отбор на основе ЕГЭ. Около трети студентов обучаются на коммерческой основе	Прием всех желающих на основе платежеспособности студентов и их родителей
<i>Положение и роль профессоров</i>	Контракты, разработанные внутри данного учреждения. Персональные надбавки, должности ординарных профессоров, директоров институтов и т.д. Влиятельный ученый совет	Стандартные контракты о найме, избрание по конкурсу на 3–5 лет. «Ручной» ученый совет, голосующий за решения ректората	Годичные контракты с нормами нагрузки, принятыми в данной организации. Ученый совет существует только на бумаге
<i>Объем и специфика нагрузки</i>	Для части ППС – авторские курсы, мастер-классы. Участие в конференциях, публикации – в зачет нагрузки, а заодно – премируются	План – 1 100 часов. «Позвонковая» на полную ставку – от 12 часов в неделю. Публикации и пр. учитываются, но не премируются	Внутреннее и внешнее совместительство, «звонки» – 18 часов в неделю и более. Публикации не учитываются
<i>Наличие учебных корпусов, кампусов, инфраструктуры</i>	Собственные корпуса и лаборатории на праве полного хозяйственного ведения, собственные кампусы, поликлиники, спорткомплексы	Собственные корпуса + переданные в аренду и/или оперативное управление. Общежития и спорткомплексы – советское наследие, с низким уровнем благоустройства	Собственные (выкупленные) и/или арендуемые учебные помещения (часто – на территориях бывших заводов). Общежития и др. инфраструктура отсутствуют
<i>Социализация студентов после 4 лет (бакалавры)</i>	До 50% – на магистерские программы. Совмещение обучения и работы по найму. 1–2% выпускников идут в аспирантуру	Для технических и естественно-научных специальностей – специалитет. До 25% – магистратура. Аспирантуры по части профилей нет.	Магистратура и аспирантура часто отсутствуют. Раннее совмещение учебы и работы по найму
<i>Формы университетов</i>	Федеральные, исследовательские университеты (и приравненные к ним по статусу)	Опорные и классические, технические, аграрные, медицинские, университеты	Педагогические, часть классических и технических университетов, новые (образованные после 1995 г.) вузы

Источник: разработано авторами на основе [15, с. 22–24]

Конечно, приведенная в *таблице 3* типология условна. Даже в сильных и богатых технических университетах первой и второй групп, в т.ч. имеющих статус исследовательских, могут существовать коммерческие направления подготовки, где преобладают неформальные институты, характерные для третьей группы вузов. Напротив, часть студентов, закончивших высшие школы и/или даже «фабрики дипломов», получают достаточный уровень подготовки, чтобы потом поступить и закончить магистратуру в федеральных и исследовательских университетах¹⁷.

Существование «фабрик дипломов» признается только как *исключительный феномен*, с которым Министерство науки, высшей школы и технической политики ведет жесткую борьбу, проводя соответствующие проверки. По результатам последних вузы могут быть лишены аккредитации, а это означает невозможность выдачи выпускникам дипломов государственного образца. По каким-то направлениям подготовки может быть приостановлена лицензия и т.д.

При этом качество высшего образования нельзя определять просто через удельный вес «фабрик по производству и продаже дипломов». Качество любой услуги определяется в первую очередь через соответствие цены/качества ожиданиям потребителя. И в этом отношении качество образования выпускников элитных вузов, которые не стали работать по профилю полученной специальности, *может проигрывать качеству образования, предоставленных «фабриками дипломов»*. Спрос на высшее образование крайне неоднороден, на выбор вуза также влияет множество косвенных факторов, плохо или вообще не связанных с будущей специальностью выпускника и потребностями российского рынка квалифицированного труда.

При этом благодаря усилиям регулятора, который ввел официальную иерархию вузов, выделив федеральные, исследовательские и опорные университеты, на этом рынке доминирует нечестная конкуренция. Производители поставлены в заведомо неравные условия. Попытка введения в высших школах эффективных контрактов увеличила транзакционные издержки этих организаций без видимого позитивного эффекта [17]. Деление вузов на категории и последующее приоритетное финансирование федеральных и исследовательских университетов означает не что иное, как *субсидирование государством производства наиболее дорогих товаров престижного спроса*. Целью этого «демонстративного расточительства»¹⁸ было вхождение отечественных вузов в международные рейтинги (топ-100, топ-200). Эта цель, по нашей оценке, связана с общим качеством российского образования *еще меньше*, чем победы школьников на олимпиадах, а эффект от затрат на ее достижение подвергнут сомнению даже в отчете Счетной палаты Российской Федерации¹⁹.

¹⁷ Правда, такие выпускники в вузах третьей группы встречаются все же довольно редко; как правило, они ориентированы на другой вариант социализации.

¹⁸ Термин принадлежит Т. Веблену. Описание самого феномена приводится в [18].

¹⁹ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. Университеты. 2021. № 2 (279). URL: sptulobl.ru/law/methodic/Bulleten-2-2021.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

Естественно, что в таких условиях перспективные, амбициозные преподаватели и научные сотрудники будут делать все, чтобы устроиться в вузы первой категории. То же самое будут делать и абитуриенты с высоким ЕГЭ, и бакалавры, решившие продолжить обучение в магистратуре. Поскольку федеральные и исследовательские университеты в основном расположены в мегаполисах²⁰, постольку такие перемещения человеческого капитала, во-первых, *усиливают неравенство российских регионов*, а во-вторых, способствуют тому, что выпускники престижных вузов все чаще работают не по избранной специальности. Рынок престижных рабочих мест в мегаполисах имеет свои ограничения, а возможности переезда в провинцию молодой отечественной элитой не рассматриваются. Выходом для них является отъезд за рубеж.

Вряд ли таким скрытым экспортом образовательных услуг следует гордиться – ведь в случае отъезда дипломированных специалистов государство теряет большую интеллектуальную ренту. Фактически речь идет о вывозе ценного сырья, но отнюдь не готовой продукции с высокой добавленной стоимостью²¹.

С одной стороны, такая искаженная рыночная структура порождает массу негативных эффектов, что вызывает рост недовольства как профессоров (в вузах, как и в средней школе, все острее становится дефицит кадров – это естественное следствие нечестной конкуренции), так и родителей студентов. С другой стороны, обращаясь к инструментарию анализа новой политической экономии, что еще можно было ожидать в ситуации олигополии, где присутствует регулятор? Как предсказывает теория, здесь должен произойти «захват регулятора» наиболее сильными участниками рынка и последующий «раздел монополистической ренты» [19]. Это и произошло.

Та же теория, достаточно подробно разработанная в чикагской школе, позволяет спрогнозировать, что для возвращения к конкуренции необходимо устранение регулятора и ликвидация привилегированного положения отдельных участников. Применительно к России это означает ликвидацию Министерства науки и высшего образования и переход

²⁰ Исключения подтверждают правило: Томск является старым университетским центром Сибири, Владивосток, видимо, превратится в мегаполис в ближайшее время, появление федеральных вузов в Ставрополе и Симферополе объясняется очевидными политическими причинами. Некоторое удивление в этом списке может вызвать только Архангельск, но учитывая то, что для освоения Арктики этот город должен будет сыграть ту же роль, что и Владивосток для Дальнего Востока, шаблон политических решений Минобрнауки и Правительства Российской Федерации становится понятен.

²¹ Руководители как элитных вузов, так и отдельных направлений подготовки преподносили отъезд своих выпускников за рубеж как профессиональное достижение, а отнюдь не как управленческий провал (см., напр.: Выпускники химфака МГУ востребованы и в России, и за рубежом. URL: <https://rg.ru/2016/05/26/vypuskniki-himfaka-mgu-vostrebovany-i-v-rossii-i-za-rubezhom.html>; Истории успеха выпускников. URL: <https://www.nsu.ru/n/alumni/history/1721616/>; Первая встреча выпускников СПбГУ в Токио. URL: <https://alumnispbu.net/activities/pervaya-vstrecha-vypusknikov-spbgu-v-tokio/>). Список можно продолжать. Однако важно то, что утверждение о связи хорошего образования и жизненного успеха выпускника российского вуза с его работой за рубежом давно стало банальностью.

к равным нормативам бюджетного финансирования одинаковых вузов. В этой ситуации внедрение стандартов Болонской системы и образовательных кредитов, предусматривающих повышение горизонтальной мобильности и возможностей перехода преподавателей и студентов между вузами, выглядит вполне логично. Но в нынешней ситуации это невозможно как по идеологическим причинам²², так и из-за огромной разницы в ресурсной обеспеченности вузов одинакового профиля.

Дирижистская альтернатива, предусматривающая перевод преподавателей в ранг государственных служащих, выглядит еще более фантастической, нежели либертарианская. Такой вариант, например, предусматривал бы допуск к защите диссертаций и присвоение ученых степеней исключительно для исследователей, работающих в вузах и НИИ, а заодно ликвидацию диссертационных советов, которые не входят в систему Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации. Кроме того, мы не можем представить, что свой авторитетный голос нынешние ученые – потомки рабоче-крестьянской интеллигенции – вывоят в поддержку ситуации, в которой Министерство науки и высшего образования сможет *приказать* столичному профессору отправиться поднимать науку в Сибири или на Дальнем Востоке.

Российская гражданская наука: царство наукометрии

Наука как вид деятельности может осуществляться на основе самых разных институциональных механизмов. В эпоху Средневековья, например, большая часть науки была одной из составляющих религиозной жизни в монастырях. Характеризовать такую деятельность в Средневековье как государственную службу и/или коммерческое занятие означает полностью игнорировать исторический контекст.

В современных условиях имеет смысл деление науки на гражданскую и военную. Последняя имеет различные степени секретности, подразумевающая наличие военной тайны. В этой сфере действуют институты государственной службы. В дальнейшем мы не будем останавливаться на этой сфере.

В свою очередь гражданская наука тоже может иметь свои секреты, охраняемые патентами, которые могут быть составляющими коммерческой тайны. Патентное право, как и оборот лицензий, имеют свою специфику, обсуждение которой выходит далеко за пределы предмета нашей работы. Здесь же мы остановимся на функционировании фундаментальных наук и той части прикладных исследований, которая напрямую не связана с охраной прав на интеллектуальную собственность.

²² «6 июня заместитель главы Минобрнауки РФ Дмитрий Афанасьев сообщил, что все российские вузы были исключены из Болонского процесса по решению Болонской группы. По его словам, соответствующее решение организация приняла 11 апреля – тогда было приостановлено представительство России и Белоруссии во всех структурах Болонского процесса». (см.: Что такое Болонская система образования и чем ее заменят в России. URL: <https://iz.ru/1345736/2023-03-03/chto-takoe-bolonskaia-sistema-obrazovaniia-i-chem-ee-zameniati-v-rossii>).

Прежде всего речь пойдет, конечно, о социальных науках (в т.ч. в силу профессиональной принадлежности к ним соавторов), однако мы полагаем, что изложенные ниже тезисы также применимы и к части гуманитарных, медицинских, технических, естественных и точных наук.

Российская наука, оказавшись наследницей науки советской, первоначально обладала тремя типами организаций:

1. НИИ, входящие в состав Академии наук СССР.
2. Вузовская наука.

3. Отраслевые НИИ, которые входили (и входят) в состав соответствующих ведомств (в т.ч. таких, как Министерство обороны и Министерство атомной энергетики и промышленности и др.).

В связи с ликвидацией советских министерств и ведомств многие отраслевые НИИ были либо ликвидированы, либо перепрофилированы. Исключением были НИИ, подведомственные Министерству здравоохранения (РАМН) и сельского хозяйства (ВАСХНИЛ). В 2010-е гг. эти НИИ вошли в систему Российской академии наук.

Наряду с ликвидацией и перепрофилированием старых отраслевых НИИ следует отметить появление новых организаций, занимающихся научной деятельностью в самых разных областях. В качестве примеров можно указать на Ассоциацию независимых центров экономического анализа, объединившую множество новых экспертных фирм (центров), на известную в России научно-производственную фирму «Эвалар». Другой такой новой формой организации является Корпоративный университет Сбербанка. Во всех таких случаях темы и финансирование НИОКР определяются общим спросом частного и государственного сектора. Здесь вполне эффективно работает рыночный механизм. Успешное выполнение НИОКР и получение позитивного результата после оплаты само по себе не является основанием для продолжения финансирования заказчиком исследовательской организации. Как заказчик, так и исполнители сохраняют свободу выбора.

Подобная ситуация сложилась и в сфере вузовской науки. Федеральные и исследовательские университеты, конечно, имеют больше возможностей для лоббирования заказов на свои НИОКР в государственном секторе, что, конечно, усугубляет нечестную конкуренцию. Но в остальном они действуют так же, как и другие независимые экспертные организации.

Кроме того, в рамках своего бюджета у таких университетов имеются и собственные (хотя и полученные, как правило, в рамках федерального финансирования) средства на фундаментальные исследования. Это делает отчетность по результатам таких НИОКР близкой к той, которая используется в НИИ РАН, хотя объемы затрат на собственные фундаментальных и/или инициативные прикладные НИОКР, у которых нет конкретного выгодополучателя, занимает в бюджетах федеральных и исследовательских университетов небольшой удельный вес.

В свою очередь заказчиком для исследований, выполняющихся в системе НИИ РАН, является государство. Экспертиза результатов,

полученных в ходе выполнения государственного задания, осуществляется членами РАН, которые должны прочесть отчеты своих коллег и дать рекомендации. Эта ситуация во многом сохраняет ту модель отношений между учеными и государством, которая сложилась еще в советское, а отчасти — в дореволюционное время. Тем не менее около 15 лет назад власти озаботились неэффективностью науки и принялись за реформу РАН.

Важной частью этой реформы была передача управления имуществом Академии специально созданному Федеральному агентству научных организаций, функционировавшему в 2013–2018 гг. Обсуждение имущественных вопросов выходит за рамки предмета нашей работы²³. Другая же часть была связана с обсуждением *эффективности деятельности РАН*. Именно это определение и расчеты эффективности представляют для нас особый интерес.

По-видимому, первой работой, где говорилось о неэффективности РАН, была статья С. Гуриева²⁴, Д. Ливанова и К. Северинова «Шесть мифов Академии наук», опубликованная в декабре 2009 г. в журнале «Эксперт». Именно там было сказано, что «имеет смысл сравнивать не только производительность на одного сотрудника, но и результативность на доллар затрат. Есть два основных показателя результативности научной деятельности на единицу затрат: *количество ссылок на опубликованные работы* (показывает внимание к результатам публикаций коллег-ученых, т.е. качественный уровень публикаций и их включенность в контекст мировой науки) и *количество публикаций* (курсив наш. — Е.К., П.О.). В Обществе Макса Планка, например, на 1 млн долл. внутренних затрат на исследования и разработки приходится 925,8 ссылки на произведенные статьи, а в РАН — 194,4 (эффективность РАН ниже в 4,7 раза). Если говорить о «стоимости» одной публикации, то, по данным 2007 г., в РАН она пока еще примерно в два раза меньше, чем в Обществе Макса Планка. Впрочем, нет сомнений, что увеличение финансирования РАН в 2008 и 2009 гг. сблизит эти организации и по показателю стоимости публикации»²⁵.

Инициаторам реформы ответил академик В.М. Полтерович. С одной стороны, он подчеркнул, что *профильное министерство не проводило исследований эффективности РАН* и не публиковало их, поэтому единственным источником сведений о неэффективности является упомянутая выше статья [20]. Вообще говоря, она была не только первой, но и последней... После этого он оспорил данные, которые привели авторы этой статьи, используя работы Варшавского и Маркусовой [21; 22]. Авторы пересчитали данные, приведенные в статье Гуриева, Ливанова

²³ В научно-образовательной среде весьма распространено мнение, что вся реформа РАН была инициирована влиятельными российскими политико-экономическими акторами для изъятия части земель и объектов недвижимости, которыми распоряжалась РАН. Учитывая реальные результаты реформы, такая гипотеза выглядит весьма правдоподобно.

²⁴ С.М. Гуриев выполняет функции иностранного агента.

²⁵ Гуриев С., Ливанов Д., Северинов К. Шесть мифов Академии наук. URL: <https://polit.ru/articles/arkhiv-proektov/shest-mifov-akademii-nauk-2009-12-14/> (дата обращения: 15.01.2023).

и Северинова, учитывая количество статей в расчете на 1 млн долл. по паритету покупательной силы, и оказалось, что по этому показателю РАН опережает Общество Макса Планка. Что же до ссылок на 1 статью, то РАН опережает США, Японию и многие другие страны и соответствует уровню Канады.

Тем самым участники дискуссии свели эффективность гражданской науки к количеству публикаций и ссылок на них. Однако это было не ново: Гуриев, Ливанов и Северинов действовали полностью в логике советских коммунистов. Так, 24 сентября 1968 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники». В рамках выполнения Постановления публикациям научных сотрудников присваивались баллы, которые шли в зачет при аттестации, а также впервые вводилось ранжирование издательств [23]. При этом, конечно же, особое внимание требовалось уделить «количеству и значимости открытий и изобретений, используемых в СССР, и проданных за рубеж лицензий, представленных организацией или отдельными ее сотрудниками, и экономический эффект, полученный в народном хозяйстве от реализации этих открытий и изобретений»²⁶.

Намного более простая и, на наш взгляд, истинная оценка результативности исследований связана с вопросом, *выполнено ли государственное задание, предложены ли решения поставленных в нем проблем*, или нет. Для этого есть (или специально вырабатываются для особо сложных случаев) критерии оценки предложенных решений. Кроме того, поскольку экспертиза предложенных учеными решений может выходить далеко за пределы должностных инструкций работников Министерства науки и высшего образования, для этого предусмотрены специальные процедуры, обеспечивающие состоятельность итоговой оценки. Руководство собирает экспертные совещания, организует дискуссии, приглашая к обсуждению исследователей из той же и смежных областей знания, по результатам которых и принимается то или иное решение.

Однако о содержательной части фундаментальных исследований (ФИ) и НИОКР, выполняемых как учеными НИИ РАН, так и вузовской наукой, речь, как правило, не идет. Гражданская наука характеризуется как отрасль, в которой есть *затраты* — зарплата, материалы, оборудование, и *результаты* — количество публикаций и ссылок на них. Таким образом, наука представляется просто одной из разновидностей издательской деятельности.

В свою очередь модели рынка печатной продукции хорошо известны экономической теории. Здесь также можно наблюдать практики нечестной конкуренции и формирование легального картеля, которые были проанализированы чикагской школой, а Дж. Стиглер

²⁶ Впоследствии именно это обусловило быстрый рост регистрации открытий и изобретений, подтвержденных авторскими свидетельствами, которые почему-то «не внедрялись».

получил нобелевскую премию. Далее мы используем в нашем анализе его подход [24].

В случае честной конкуренции барьеры входа на рынок отсутствуют, и индексированию в библиометрических базах подлежат все издания. С точки зрения издателя, стремящегося получить доход, неважно, кто ему платит за публикацию – потребитель, интересующийся данным материалом, или автор материала. Трудности, которые испытывает библиометрическая база в условиях оборота бумажной продукции (особенно с подсчетом ссылок и определения импакт-фактора) в условиях цифровой экономики давно решены. Учитывая, что регистрация СМИ и/или издательства, как и ведение соответствующей деятельности, требует как транзакционных, так и производственных затрат (редактура, корректура, использование разметки при размещении статьи / монографии / препринта / материалов на сайте), количество изданий, подлежащих к размещению в этих базах, всегда будет ограничено.

Индексация в национальных и/или международных базах имеет здесь одинаковое значение. В идеале такие базы должны интегрироваться. А транзакционные издержки ведения баз должны компенсироваться на основе одинаковых цен за размещение одинаковых видов работ за счет издателей. Такие условия близки к условиям чистой конкуренции. Естественно, что они не учитывают: 1) фактора монополии; 2) асимметрию информации. Оба эти фактора способствуют образованию легального картеля.

Монополия, с одной стороны, складывается в результате платформенных эффектов, характерных для цифровой экономики. С другой стороны, использование владельцами базы своего доминирующего положения на рынке *позволяет диктовать свои условия издателем*. В первую очередь это введение правил для исключения «мусорных» журналов, публикующих псевдонаучные статьи. «Нехорошие» издатели берут с авторов плату за такие публикации, а высоконравственные владельцы платформ и баз ведут борьбу за повышение качества научных исследований, результаты которых публикуются в журналах. Однако, во-первых, взимание платы за размещение публикаций давно уже осуществляют и «хорошие» издатели (условия *open access*²⁷), а во-вторых, рецензирование и прочие жесткие условия входа не гарантируют от публикаций в рейтинговых журналах различного псевдонаучного бреда. Это подтвердилось в ходе эксперимента, который провели трое ученых, опубликовавшие в течение года 20 статей в различных журналах. Скандал разразился в 2018 г.²⁸

Борьба за научную этику, как обычно, *имеет целью повысить ренты для участников легального картеля*. В результате только в 2020 г. российские ученые заплатили 10 млн долл. за публикации

²⁷ Вот, например, условия и цены на размещение на платформе известного издательства Pleiades Publishing (см.: URL: <https://www.pleiades.online/ru/authors/openaccess/how-to-publish/> (дата обращения: 17.01.2023).

²⁸ Научный скандал года: ученые писали фейк-исследования, чтобы разоблачить лженауку. URL: https://hi-tech.mail.ru/news/39993-uchenye_pisali_feyk_issledovaniya_razoblachit_lzhenuku/#anchor335141 (дата обращения: 15.01.2023).

в ведущих журналах из базы *Web of Science Core Collection*, что более чем в пять раз превышает расходы госбюджета на все журналы РАН, входящие в эту базу, обнаружил вице-президент РАН А. Хохлов²⁹. Он констатировал, что в конечном счете — это бюджетные деньги, поэтому «РАН уже несколько лет ставит вопрос о создании Российского академического издательского дома, основной целью которого был бы выпуск лучших российских журналов в режиме *Open Access* (включая русскоязычную и англоязычную версии). В этом случае бюджетные деньги пойдут на развитие системы российских журналов высокого качества, а не на оплату услуг зарубежных издательских компаний»³⁰. Полагаем, что создание Российского академического издательского дома никак не улучшит, но и не ухудшит качество публикаций. Но по крайней мере финансовые средства останутся в отечественной юрисдикции.

В свою очередь информационная асимметрия привела к тому, что в научной среде получило определение некорректного заимствования. В сущности, речь идет об облагороженной форме плагиата. Издатель, которому платит автор за услугу по публикации своей работы, заинтересован в получении денег, и если бы не репутационные издержки в случае обнаружения некорректного заимствования, не стал бы тратить время и деньги на проверку качества статьи, предложенной к публикации. Тем самым, прибегая к аналогии, получается, что он участвует в производстве и выпуске фальсифицированной продукции.

Любопытно то, что принятые в научном сообществе механизмы ответственности возлагают ответственность на автора и отчасти на издателя. Оба они несут соответствующие репутационные издержки. Последние могут принять финансовую форму для автора, если статья входит в список работ при диссертации на соискание ученой степени. Издатель тоже может финансово пострадать в случае исключения его журнала из библиометрической базы. В то же время автор, в отношении которого совершено некорректное заимствование, и его издатель остаются в стороне, никто не компенсирует им ущерб.

Такой механизм контроля *напрямую нарушает права интеллектуальной собственности*. Условия рыночной конкуренции предполагают компенсацию нарушения прав пострадавшей стороне, но легальный картель предназначен совсем для другого. В сегодняшней ситуации требование возмещения за нарушение авторского права, как и судебные издержки, возлагаются на честного ученого, которому вместо науки предлагают заняться сутяжничеством. Естественно, что подавляющее большинство исследователей игнорируют нарушения своих прав. И легальный картель их не защищает: издатели «хороших» журналов тоже не обращаются в суд.

Если довести ужесточение требований, которые предъявляются наиболее рейтинговыми издательствами и цифровыми платформами, где размещаются научные издания, до логического конца, то должны остаться

²⁹ Российские ученые заплатили не менее \$10 млн за публикации в научных журналах в 2020 году. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/13598939> (дата обращения: 15.01.2023).

³⁰ Там же.

несколько издательских домов: два-три академических (учитывая наличие Уральского, Сибирского, Дальневосточного отделений РАН) и несколько вузовских (МГУ, ВШЭ и РАНХиГС уже активно ведут такую деятельность). Такая олигополистическая, крайне централизованная структура обеспечит автоматическую привязку всей продукции данных издательских домов к перечню ВАК и отечественной библиографической базе. «Мусорные» журналы, таким образом, от этой деятельности будут отсечены автоматически, публикации в них не будут учитываться в зачет научной продукции. С большой вероятностью эффективность и РАН, и вузовской науки в интерпретации и механизмах расчетов в модели Гуриева – Ливанова – Северинова резко возрастет. Концентрация издательских домов увеличит список взаимного цитирования, а предложенный А. Хохловым механизм финансирования переводной версии журналов позволит добиться и большего мирового признания.

Самое любопытное, что в таком случае *резко повысится и уровень защиты прав авторов*. Обязательная проверка на наличие в работах некорректных заимствований, административная ответственность редакторов, легкость принудительной ликвидации государственных изданий, допустивших злоупотребления, заменяет здесь длительные и дорогостоящие судебные процедуры. Заодно условия открытого доступа, предусматривающие официальную оплату публикации результатов ФИ и НИОКР, вполне возможно обеспечат таким издательским домам определенную (пусть и небольшую) рентабельность. А если обязательным предварительным условием публикации поставить не менее 50 ссылок на статьи отечественных исследователей, то все показатели эффективности российской науки начнут расти по экспоненте.

Заключительные замечания

Российские проблемы школьного образования не являются чем-то исключительным. Как уже говорилось, впервые их стали активно обсуждать в США. То же можно сказать и об университетском образовании, которое частью молодежи стало рассматриваться не как инвестиционное, а как конечное благо. В этих условиях профессора превращаются в шоуменов, а университетский кампус – в место интересного времяпровождения³¹. Наконец, лозунг «публикуйся или умри» тоже впервые вошел в разговоры исследователей совсем не в России.

³¹ Пример обращения к профессору в Йельском университете и его последствия описывает Т. Николс: «...“Кто (бранное слово) Вас нанял?... Если так Вы понимаете свои обязанности, Вам надо подать в отставку! Вы здесь не для того, чтобы создавать интеллектуальное пространство! Не для того, понимаете! А для того, чтобы каждый из нас чувствовал себя здесь как дома! И Вы этого не делаете!”. Руководство Йеля вместо того, чтобы наказать студентов за нарушение их собственных норм академической риторики, извинилось перед зачинщиками беспорядка... Для всех преподавателей урок был очевиден: кампус элитного университета – это не место для интеллектуальных изысканий. Это роскошный дом, который сдается в аренду на период от четырех до шести месяцев за раз детям элиты, которые могут кричать на преподавателей, словно они выговаривают неуклюжей прислуге в колониальном особняке» [25, с. 161–162].

Как нам представляется, своеобразие российской системы науки и образования совсем не в этом. Проблема, которая вызывает частые апелляции нынешних российских ученых к советскому опыту, заключается в положении науки и образования в системе периферийного капитализма, хорошо проанализированного Р. Пребишем [26]. В этой системе формируется привилегированное меньшинство, заимствующее и имитирующее образцы потребления государств Центра (следуя за И. Валлерстайном, сейчас сказали бы – ядра). Деление науки на столичную – мировую, провинциальную – отечественную и туземную, давно предложенное в провокативной работе М. Соколова и К. Титаева [27], хорошо ложится на российский опыт гражданских ученых. Но то же самое можно сказать и о преподавании, и о вузовской науке.

В условиях периферийного капитализма истинность научного утверждения определяется не содержанием, но уровнем социальной позиции исследователя, прямо коррелирующей с его Хиршем в международных библиометрических базах. Вместе с тем, конечно, это проблема самой периферийной системы науки и образования, *пытающейся имитировать лучшие мировые практики*. Выхваченные по отдельности различные элементы западной системы образования и науки – ЕГЭ, эффективный контракт, Ph.D., звание ординарного профессора в некоторых вузах, библиометрия, Программа «5-100» и многое другое – все это имитация, своеобразный карго-культ постсоветской интеллигенции. Можно критиковать начальство, однако российские власти всего лишь идут навстречу общим запросам элитарных школ и вузов России.

Естественно, что сложившаяся система устраивает далеко не все влиятельные социальные группы. Так, местные власти крайне заинтересованы в снижении доли массовых школ, наличие которых резко увеличивает опасность для жизни и здоровья не только подростков, но и всего населения муниципалитета. Однако, полагаем, что уже сама постановка вопроса об их существовании вызовет протест со стороны органов управления образованием, не говоря уже о том, что даже простой опрос несовершеннолетних без согласия их родителей запрещен.

Аналогично, органы власти субъектов Федерации крайне заинтересованы в наличии у себя сильных научно-образовательных центров. Но учитывая финансовое положение регионов и муниципалитетов, из-за вопросов научно-образовательной политики вступать в опасный конфликт с Центром означает получить сразу же множество политических рисков, а возможный выигрыш здесь – весьма отдаленная перспектива.

При обсуждении вариантов институциональных реформ в России хорошим тоном считается апелляция к теории В.М. Полтеровича, в рамках которой предполагается оценка экономическими акторами изменения в своих доходах от изменения институтов и соответствующих транзакционных издержек, связанных с разработкой нормативных актов и продвижением их через парламент [28]. Такой подход, однако, абстрагируется

от интересов и целей разработчика реформ. В. Зомбарт полагал, что существует особый вид деятельности — политическое предпринимательство, которым занимаются прожектеры [29, с. 53–56]. Исходя из того, что они обладают такой же рациональностью, как и другие предприниматели³², и как максимум стремятся получить доход от реализации своих проектов, а как минимум — увеличить цитируемость своих работ, можно сделать субъективные предположения о свойствах магистрального направления исследований в сфере российского образования и науки. Собственно, они уже достаточно оформились, и наши коллеги представили большое количество интересных и цитируемых статей и монографий, включающих в себя борьбу с «мусорными» журналами, внедрение цифровизации и Интернета в учебные процессы, а также оценку направлений и степени влияния образования на доход, человеческий капитал и производительность в различных видах экономической деятельности.

На основе результатов этих исследований, как мы полагаем, будут разработаны важные и плодотворные проекты институциональных преобразований, которые позволят и дальше повышать эффективность отечественной науки и образования.

Список литературы

1. Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать. Наша позиция. М.: Новое издательство, 2007. 356 с.
2. Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика. М.; Челябинск: Социум, 2022. 408 с.
3. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
4. Бурдые П. Экономическая антропология. Курс лекций в коллеж де Франс (1922–1993). М.: ИД Дело, 2019. 416 с.
5. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
6. Андреев А.Л. О модернизации образования в России. Историко-социологический анализ // Социологические исследования. 2011. № 9 (329). С. 111–120.
7. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
8. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.
9. Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. М.: Экономика, 2006. 631 с.
10. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 616 с.
11. Высшая школа сегодня: цифры и факты. М.: НИИВО, 1990.
12. Кочетов А.Н. Профессиональное образование в 60–80-х годах: путь к инфляции // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 143–158.

³² Зомбарт абстрагировался от наличия субъектов с мессианским сознанием — революционеров.

13. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: тексты. М., 1994. С. 379–447.
14. *Rousseau D.* Psychological and Implied Contracts in Organisations // *Employee Responsibilities and Rights Journal*. 1989. Vol. 2. N 2. P. 121–139.
15. Ореховский П.А. Инновационная экономика в свете теории неявного контракта // *Общество и экономика*. 2011. № 3. С. 5–35.
16. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995. 165 с.
17. Курбатова М.В., Донова И.В. Провалы государства в реализации проекта эффективного контракта // *Журнал институциональных исследований*. 2022. Т. 14. № 4. С. 56–69.
18. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 368 с.
19. *Stigler G.J.* The Theory of Economic Regulation // *Bell Journal of Economics and Management Science*. 1971. Vol. 2. Iss. 1. P. 3–21.
20. Полтерович В.М. Реформа РАН: экспертный анализ. Новая экономическая ассоциация. URL: http://www.econorus.org/pdf/Polterovich_Reform_RAS.pdf (дата обращения: 15.01.2023).
21. Варшавский А.Е. Проблемы науки: РАН и вузы // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2010. № 8. С. 158–161.
22. Варшавский А.Е., Маркусова В. Потрачено с умом. Результативность научного труда в России выше, чем в Америке // Газета «Поиск». 2009. № 21. 27 мая. С. 14.
23. Орлова Г.А. Форум: Прикладная наукометрия // *Антропологический форум*. 2019. № 40. С. 36–40.
24. Стиглер Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 336 с.
25. Николс Т. Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. М.: Эксмо, 2019. 368 с.
26. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992. 337 с.
27. Соколов М., Тутаев К. Провинциальная и туземная наука // *Антропологический форум*. 2013. № 19. С. 239–275.
28. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 447 с.
29. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. 576 с.

References

1. Fridman M., Fridman R. Svoboda vybirat'. Nasha pozitsiia [Freedom to Choose. Our Position]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007, 356 p. (In Russ.).
2. Bouz D. Libertarianstvo: istoriia, printsipy, politika [Libertarianism: History, Principles, Politics]. Moscow, Cheliabinsk, Sotsium, 2022, 408 p. (In Russ.).
3. Bekker G. Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoi teorii [Human Behavior: an Economic Approach. Selected Works on Economic Theory]. Moscow, GU VShE, 2003, 672 p. (In Russ.).
4. Burd'e P. Ekonomicheskaiia antropologiia. Kurs lektsii v kollezh de Frans (1922–1993) [Economic Anthropology. Course of Lectures at the College de France (1922–1993)]. Moscow, ID Delo, 2019, 416 p. (In Russ.).
5. Veber M. “Ob”ektivnost” sotsial’no-nauchnogo i sotsial’no-politicheskogo poznaniia [“Objectivity” of Socio-Scientific and Socio-Political Knowledge], *Veber*

M. Izbrannnye proizvedeniia [Weber M. Selected Works]. Moscow, Progress, 1990, pp. 345–415. (In Russ.).

6. Andreev A.L. O modernizatsii obrazovaniia v Rossii. Istoriko-sotsiologicheskii analiz [On the modernization of education in Russia. Historical and sociological analysis], *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 2011, No. 9 (329), pp. 111–120. (In Russ.).

7. Makarenko A.S. Pedagogicheskaiia poema [Pedagogical Poem]. Moscow, Eksmo, 2015, 640 p. (In Russ.).

8. Ivanov A.E. Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: sotsial'no-istoricheskaiia sud'ba [Students in Russia at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century: the Socio-Historical Fate]. Moscow, ROSSPEN, 1999, 414 p. (In Russ.).

9. Goland Iu.M. Diskussii ob ekonomicheskoi politike v gody denezhnoi reformy 1921–1924 [Discussions about Economic Policy During the Years of Monetary Reform 1921–1924]. Moscow, Ekonomika, 2006, 631 p. (In Russ.).

10. Kuz'minov Ia.I., Iudkevich M.M. Universitety v Rossii: kak eto rabotaet [Universities in Russia: How It Works]. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2022, 616 p. (In Russ.).

11. Vysshaia shkola segodnia: tsifry i fakty [Higher School Today: Numbers and Facts]. Moscow, NIIVO, 1990. (In Russ.).

12. Kochetov A.N. Professional'noe obrazovanie v 60–80-kh: godakh put' k inflitsii [Vocational Education in the 60–80s: the Path to Inflation], *Otechestvennaia istoriia* [Domestic History], 1994, No. 4-5, pp. 143–158. (In Russ.).

13. Merton P. Iavnye i latentnye funktsii [Explicit and Latent Functions], *Amerikanskaia sotsiologicheskaiia mysl'* [American Sociological Thought]. Moscow, 1994, pp. 379-447. (In Russ.).

14. Rousseau D. Psychological and Implied Contracts in Organisations, *Employee Responsibilities and Rights Journal*, 1989, Vol. 2, No. 2, pp. 121–139.

15. Orekhovskii P.A. Innovatsionnaia ekonomika v svete teorii neiavnogo kontrakta [Innovative Economics in the Light of the Theory of Implicit Contract], *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2011, No. 3, pp. 5–35. (In Russ.).

16. Olson M. Logika kollektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriia grupp [Logic of Collective Actions. Public Goods and Group Theory]. Moscow, Fond ekonomicheskoi initsiativy, 1995, 165 p. (In Russ.).

17. Kurbatova M.V., Donova I.V. Provaly gosudarstva v realizatsii proekta effektivnogo kontrakta [State Failures in Implementing an Effective Contract Project], *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Research], 2022, Vol. 14, No. 4, pp. 56–69. (In Russ.).

18. Veblen T. Teoriia prazdnogo klassa [Theory of the Leisure Class]. Moscow, Progress, 1984, 368 p. (In Russ.).

19. Stigler G.J. The Theory of Economic Regulation, *Bell Journal of Economics and Management Science*, 1971, Vol. 2, Iss. 1, pp. 3–21.

20. Polterovich V.M. Reforma RAN: ekspertnyi analiz. Novaia ekonomicheskaiia assotsiatsiia [Reform of the Russian Academy of Sciences: Expert Analysis. New Economic Association]. (In Russ.). Available at: http://www.econorus.org/pdf/Polterovich_Reform_RAS.pdf (accessed 15 January 2023).

21. Varshavskii A.E. Problemy nauki: RAN i vuzy [Problems of Science: RAS and Universities], *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2010, No. 8, pp. 158–161. (In Russ.).

22. Varshavskii A.E., Markusova V. Potracheno s umom. Rezul'tativnost' nauchnogo truda v Rossii vyshe, chem v Amerike [Spent Wisely. The Productivity of Scientific

Work in Russia is Higher Than in America], *Gazeta "Poisk"* [Poisk Newspaper], No. 21, 2009, 27 May, p. 14. (In Russ.).

23. Orlova G.A. Forum: Prikladnaia naukometriia [Forum: Applied Scientometrics], *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2019, No. 40, pp. 36–40. (In Russ.).

24. Stigler Dzh. Grazhdanin i gosudarstvo. Esse o regulirovanii [Citizen and State. Essay on Regulation]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2017, 336 p. (In Russ.).

25. Nikols T. Smert' ekspertizy: kak internet ubivaet nauchnye znaniia [The Death of Expertise: How the Internet is Killing Scientific Knowledge]. Moscow, Eksmo, 2019, 368 p. (In Russ.).

26. Prebish R. Periferiinyi kapitalizm: est' li emu al'ternativa? [Peripheral Capitalism: is There an Alternative to It?]. Moscow, ILA, 1992, 337 p. (In Russ.).

27. Sokolov M., Titaev K. Provintsial'naia i tuzemnaia nauka [Provincial and Native Science], *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2013, No. 19, pp. 239–275. (In Russ.).

28. Polterovich V.M. Elementy teorii reform [Elements of the Theory of Reforms]. Moscow, Ekonomika, 2007, 447 p. (In Russ.).

29. Zombart V. Burzhua. Etiudy po istorii dukhovnogo razvitiia sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka [Bourgeois. Sketches on the History of the Spiritual Development of Modern Economic Man]. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub, 2009, 576 p. (In Russ.).

POLITICAL AND ECONOMIC DISCOURSES OF CENTRALIZATION AND DECENTRALIZATION: EDUCATION AND SCIENCE IN RUSSIA

Incidents are increasingly occurring in schools, for which municipalities are being held responsible in Russia. Business makes complaints about the level of training of university graduates, which is a problem of coordinating the activities of the leadership of the constituent entities of the Federation with classical and technical universities. According to the authors, this is a consequence of the functioning of informal institutions that have developed in post-Soviet Russia in the field of education and science. Differences are determined by the different informal institutions that develop in these organizations. Such institutions are identified by insiders – employees and consumers of services (parents of pupils and students, students themselves), distinguishing between types of schools and universities. But their knowledge remains tacit and is not included in public discussion. From the point of view of officials responsible for the functioning of secondary and higher schools, some types of organizations highlighted in the work do not exist. Scientific activity began to be assessed on the basis of bibliometric indicators. But there is an international legal cartel operating in this area, which allows large publishing houses to maximize their income. Russian scientists spent about \$ 10 million in 2020 to pay for the services of the publishing houses. The current system meets the needs of representatives of elite universities and schools, which is common for peripheral capitalism. At the same time, municipalities and Subjects of the Federation are very interested in changing the situation – minimizing the scope of “negative” informal institutions in schools, developing advanced scientific and educational centers in the regions.

Keywords: political-economic discourses, legal cartel, centralization and decentralization, public service, types of schools, types of universities, market for scientific publications.

JEL: I20, I28, Z13

Дата поступления – 24.01.2024 г.

ОРЕХОВСКИЙ Петр Александрович

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник – заведующий сектором философии и методологии экономической науки; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.

e-mail: orekhovskupa@mail.ru

КАПОГУЗОВ Евгений Алексеевич

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218;

заведующий лабораторией изучения экономик стран БРИКС;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» / Ленинские горы, д. 1, стр. 46, г. Москва, 119991.

e-mail: egenk@mail.ru

OREKHOVSKY Petr A.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of Sector of Philosophy and Methodology of Economy Science;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: orekhovskupa@mail.ru

КАПОГУЗОВ Evgeniy A.

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218;

Head of the Laboratory for the Study of the Economies of the BRICS Countries;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University” / 1, Bldg. 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991.

e-mail: egenk@mail.ru

Для цитирования:

Ореховский П.А., Капогузов Е.А. Политико-экономические дискурсы централизации и децентрализации: образование и наука в России // Федерализм. 2024. Т. 29. № 1 (113). С. 21–54. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-1-21-54>